

УДК 811.161.1'282
ББК 81.411.2-5

ЖИЗНЬ И СМЕРТЬ В ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА СМОЛЕНСКОГО КРЕСТЬЯНИНА

Е.Н. Руженцева

Статья посвящена изучению русской диалектной фразеологии Смоленского края. На материале «Смоленского этнографического сборника» В.Н. Добровольского описаны группы пословиц и поговорок о жизни, смерти. Выявлены языковые средства репрезентации отношения смоленского крестьянина XIX в. к философским категориям *Жизнь* и *Смерть*.

Ключевые слова: *языковая картина мира, этнография, поговорка, диалектная фразеология, семантика.*

Самобытный характер любого народа, согласно мнению психолога К. Юнга, есть не что иное, как концентрированный результат жизни целого ряда поколений [3]. Особенности этноса, его национальный дух обусловлены переплетением различных факторов: географических, климатических, политических, исторических, хозяйственно-экономических, социальных, психологических, культурных, религиозных и т. д. Одним из выразителей национального характера является язык, который фиксирует, хранит и передает ориентиры, являющиеся для определенного народа обязательными и естественными. Обращение к национальной языковой картине мира, ее описание позволяют выявить и воссоздать систему жизненных ориентиров, культурных установок и стереотипов, эстетических и духовных ценностей народа, своеобразную «систему координат», зафиксированную языком [2].

С давних времен человечество пытается найти истоки и смысл жизни, разгадать тайну смерти и бессмертия. Каждый народ, обращаясь к опыту своих предков, опираясь на собственное мироощущение, проживая определенный исторический период, формирует особенное отношение к жизни и смерти, ко-

торое находит отражение в музыке, живописи, скульптуре, литературе. Представления человека о жизни и смерти проявляются и в народной фразеологии [1], обобщенно выражающей накопленный этносом опыт.

Судить об отношении смоленского крестьянина XIX в. к жизни и смерти современные исследователи могут во многом благодаря этнографической деятельности фольклориста, краеведа, собирателя народной фразеологии Владимира Николаевича Добровольского. Его неоценимый вклад в фольклорную, этнографическую и лингвистическую науку состоит в составлении «Смоленского этнографического сборника» на основе записи фразеологических единиц в момент их живого функционирования и сохранения богатого языкового наследия, позволяющего современному исследователю охарактеризовать понимание явлений действительности, мировоззрение, систему жизненных установок и взглядов людей той эпохи, когда создавался сборник. Сборник содержит 3 500 пословиц, поговорок, метких прозвищ и слов, примет, заговоров, как известных по всей России, так и местных, понятных только населению данной губернии. Пословицы разнообразны в содержательном отношении – бытовые, общественно-политические, исторические, сельскохозяйственные. Записи даны с сохранением всех особенностей языка (в том числе и фонетических). Ко-

многим пословицам собиратель дал пояснения, указав место записи и определив значения.

Смоленский край на протяжении всей истории играл важную роль в судьбе России. Смоленяне мужественно и стойко сражались с татаро-монголами, с польскими шляхтичами, наполеоновской армией, с фашистскими захватчиками. Пережитые испытания не могли не повлиять на характер смоленских жителей, на их понимание жизни и смерти.

Рассмотрим пословицы, включенные В.Н. Добровольским в группу «Жизнь». Открывает список из 27 паремий настраивающая на философские размышления пословица *Наша жисть няздуманна, няспытанна, нисказанна*, которая констатирует невозможность до конца разгадать, понять, объяснить и испытать все в этой жизни, постичь ее безграничность, богатство и непредсказуемость. Присущая жизни недосказанность и таинственность подчеркивается употреблением кратких прилагательных, их «нанизывание» (градация, перечисление) словно передает мелодию жизни.

Включенной в сборник общерусской пословице *Жисть пиряжить – ня поля пиряйти* синонимична паремия *Годъ пражить – ни лукошка сшить*. Пословицы развивают тему безграничности и сложности жизни. Образ поля восходит к архетипическому представлению человека о свободе, свободе души, чувств. Человеку, который стоит на краю поля, оно кажется бескрайним, но пройти его несложно, можно определить и почувствовать его начало и конец; дойдя до конца поля, можно вернуться к его началу. Однако в жизни человека все иначе: невозможно, пройдя весь жизненный путь, все «жизненное поле», вернуться к его началу, жизнь человека сложна, и он должен это понимать, чтобы строить свою жизнь разумно. Жизнь – это «ремесло», в ней всегда есть трудности, через которые должен пройти каждый человек.

Особенность душевного склада русского человека такова, что после череды выпавших испытаний и разочарований у него формируется привычка со всем мириться, принимать трудности, лишения как должное. *На вяку усяго наживешь – и Кузьму батькой назавешь* – так говорили простые смоленские люди о длинной и непредсказуемой жизни.

Двойственность всего в жизни, контрастное противопоставление всех ее составляющих отражены в семантике паремии *Живеть кошка, живеть и собака*. Образы кошки и собаки связаны с мифологическим представлением о двух противопоставленных природой и человеком существах. Там, где есть добро, всегда есть зло, счастье и радость граничат с несчастьем и горем, правда – с неправдой, любовь – с ненавистью, война – с миром и т. д. Представления о двойственности жизни отражены в пословице *Въ жисти, када харашо, када худа; када мать, када мачеха*. Отождествление матери с жизнью, а мачехи со злом обусловлено стереотипными народными представлениями. Мать ассоциируется у каждого с любовью, душой, теплом, заботой, а значит, счастьем и удачей, миром; а мачеха – со злом, ненавистью, жестокостью, нелюбовью, вражеской силой. Двучленность пословиц, сопоставление частей, употребление антитез «собака – кошка», «мать – мачеха» создают определенный ритм, позволяют ярче передать понимание человеком того, что все меняется и все бывает в жизни. Судьба то улыбается, то отворачивается, и человек должен быть готов к тому, что хорошее сменится плохим, надеяться на то, что за плохим непременно придет светлое и хорошее.

Неизбежное взросление человека, его совершенствование, приобретение и накопление им жизненного опыта – это естественная закономерность, поэтому важно научиться плавно и безболезненно переходить от одного этапа жизни к другому, забирая с собой накопленные знания и опыт. Ряд паремий из сборника В.Н. Добровольского констатируют именно этот факт: *Тагда чилав Ъкъ станить на стяпиняхъ жить, когда маткина шкура уся зл Ъжить радавая и абрастетъ чилов Ъкъ тэю, якою Бохъ пув Ъл Ъў, Въ маткиный шкури ни звякушь: 5, 6 зл Ъжить, Въ адкей шкури ни звякушь*.

Страдания, разочарования, лишения и трудности могли бы вселить в душу народа тоску, отчаяние. Чтобы сохранить душевное равновесие и покой, человек выработал привычку не роптать в беде, умение веселиться, позабыв о проблемах, готовность ко всему, даже к смерти: *Пить да гулять будимъ, придить смерть – пумирать будим*, в этом широта и противоречивость русской души. Данная паре-

мия, включенная исследователем в группу «Жизнь», передает философское отношение смоленского народа к жизни: человек принимает все, что есть в жизни, и смерть воспринимается как естественное ее завершение.

Следует отметить, что в группе пословиц о жизни есть неоднозначно трактуемые паремии, которые можно отнести к другим фразеосемантическим группам. Так, пословица *ЖивЪмь – ни матаимь, чужого ни хватаимь, свайго ни тсауляимь* может быть отнесена к группе «Свое / Чужое». Такое взаимодействие фразеосемантических групп оправданно, поскольку определяет две важные жизненные установки, которых стремился придерживаться любой порядочный человек. Первая установка требует от человека бережно относиться к тому, что имеешь, вторая – никогда не посягать на чужое.

В список пословиц о жизни В.Н. Добровольский включил своеобразное этикетное правило *Паздравствовались = провели добро*. Это неслучайно, ведь добро у простого человека было непосредственно обусловлено жизнью, неслучаен и поставленный знак равенства: жизнь в народном понимании – это добро, пожелание добра окружающим людям. Даже в трудное время в сердце каждого человека жила и будет жить надежда на лучшее, на добро, а добро – один из главных жизненных ориентиров (*ВЪкъ – добрый чилавЪкъ*).

Особенности народного сознания всегда концентрируются вокруг загадочного явления смерти. В сборнике В.Н. Добровольского во фразеосемантическую группу «Смерть» включено сорок три паремии, они выражают общее значение.

Смерть – неизбежное явление, естественный финал существования всего живого, перед лицом смерти все люди равны (богатый и бедный, умный и глупый, красивый и некрасивый и т. д.), потому каждый человек должен быть к ней готов: *Сколько ни красуйся, усе туды гатуйся; Гаспоть бяретъ на свае руки и дурныхъ, и хорошихъ; Смерть причину найдить; Атъ смерти никаго ня выличишь; Атъ смерти никто ни збаронить; Земля – матушка усих примаить; Смерть здаравЪй за ѱихъ; Судныга часу ни пириживешъ*. Важно отметить, что лишь

одна лаконичная, но емкая пословица, записанная В.Н. Добровольским, передает действительно весь трагизм смерти: *НЪтъ правядливий смерти*. Смерть страшна, понять и принять ее невозможно.

Жизнь и смерть всегда соседствуют, идут рядом, грань между ними подчас очень тонка. Потому паремии *ЧелавЪча, падумай на день ибъ смерти три разы; Смерть ни кажасъ ходитъ; Якъ пьяный мужикъ, такъ и смерть найдить причину прикапатца* предупреждают о непредсказуемости всего в мире, о необходимости проживать каждый день со смыслом, ценить и оберегать свою жизнь.

Как и в рассмотренных паремиях о жизни, в паремиях о смерти акцентируется внимание на поэтапности человеческой жизни. Человек должен пройти предначертанный ему путь, прожить все важные этапы: *Дай Бохъ разъ жанитца, разъ кряститца и разъ пумирать; Два раза ня будимъ пумирать, а разъ*.

Преодолеть страх перед смертью помогает ироничное отношение к ней: *Нихай сабЪ намерь: Бохъ Яго искау, Нихай мрутъ и намъ дарожку трутъ, – и мы тады на торный дарожки адны на водным уси пайдемъ; Сажень земли да чатыри даски усяго намъ нада*. Это своего рода защитная реакция человеческого сознания, желание как можно проще и естественнее относиться к смерти, нежелание показывать свой страх.

По содержанию ряда паремий можно судить о погребальных традициях смоленских жителей. В пословице *Пришоль умирать на сваю лауку* существительное *лавка* обозначает и дом, в котором жил и родился человек, и родную деревню, родную страну. Человек желал встретить смерть на своей родной земле, там, где он родился, в доме, где он прожил свои лучшие годы. Поскольку, как уже было отмечено выше, человек понимал неизбежность смерти, ощущал хрупкость жизни, то старался подготовить важные атрибуты похорон заранее: *Во зачимъ умирать ни нада: платка, накрывала нЪтъ*. Данная пословица может быть истолкована как защитная реакция. Человек осознает неизбежность смерти, возможно, чувствует ее близость и пытается найти причину, по которой срок его ухода может быть отодвинут.

Похоронные традиции смоленских жителей, как и русского народа в целом, вклю-

чают поминание с застольем. Однако В.Н. Добровольский приводит паремии, которые содержат явно негативную оценку подобного застолья: *Жанюся, висялюся, пуминаю сваю кишку набиваю; Радитиліў пуминаімъ и сами сваю кишку набиваімъ.*

Естественным сопровождением смерти, похорон являются слезы, а также особые поминальные плачи, без которых не проходило ни одно прощание с умершим. Такие плачи смоленские жители называли «вытницами», в деревнях их пели женщины, обладавшие особым голосом: *Свадьба слаўна п'Бсними, хаўтуры вытницами* (приведенная паремия также входит в группу пословиц «Бракъ», поскольку отражает и свадебный обычай петь песни и веселиться). Провожали умершего особыми словами: *Харошій былъ члавѢкъ – чарствія яму Божія.*

Некоторые паремии все же нельзя отнести к собственно пословицам. Особенности синтаксического строения (сложноподчиненное предложение с придаточным условия) и содержание позволяют квалифицировать их как народные приметы и наблюдения, которые передаются из поколения в поколение и которым человек верит искренне и порой с предубеждением.

Человек всегда стремился узнать свою судьбу, заглянуть в будущее, поэтому обращался к гаданию по линиям руки. Такое постижение судьбы было знакомо и смоленскому крестьянину. Доказательством этого является записанная В.Н. Добровольским примета скорой смерти человека: *Если перевалитца сяредний рубецъ съ ладони, то человѢкъ скоро акончить жисть сваю.* Люди внимательно относились к тому, как умирает человек, отмечали, что каждого настигает своя смерть: *Смерть нираўна: иной якъ заснетъ. Пацабечить, пацабечить – сичасъ душа, якъ птичка, вылитить из т'Бла. Другей мучитца – и лумаить Яго и карежить, и жалкуитца іонь: «Ти задавилась мая смерть, ти привязана?!» И гарюить и мыкаить горя ниўмирующая съ ранна и да вечера – и ни дасть Гаспотъ яму спакою... Существованием загробной жизни, более легкой, светлой и счастливой, народ объяснял сложности и страдания мирской жизни, тяжелую смерть. Отсюда народное мнение, связанное с христианским мировоззрением: *Если члавѢкъ хварайть,**

терпитъ пирядъ смертью – на тымъ свѢти яму будить легши.

В соответствии с христианской верой, в загробной жизни человек будет вознагражден за все лишения и страдания, перенесенные им на земле, душа приобретет бессмертие. Эти представления выражены в паремиях: *Што ни заслужишь на етымъ свѢти, на тымъ палучишь; Дякъ крѢпка, такъ и кволა; КвалѢй души и крѢпчи души нѢту ничога да судныга часу; Душа вылитаить мятлушкымъ, птичкый, мухый, пчелкай.*

Таким образом, рассмотрение паремий о жизни и смерти «Смоленского этнографического сборника» позволяет сделать следующие выводы. Категории жизни и смерти неразрывны, грань между ними очень зыбкая, потому и обнаруживаем пословицы о смерти в группе пословиц о жизни. Смоленский крестьянин всегда осознавал богатство, сложность, непредсказуемость, двойственность жизни, безвозвратность многих ее моментов; никогда не надеялся на легкую жизнь, со смирением принимая все испытания, веря в то, что за страдания он будет когда-то вознагражден.

Человек прошлого с мужественным спокойствием принимал смерть как естественную закономерность, естественный финал жизни, готовился к ней. Постоянная «память о смерти» и готовность к страданиям были основой кроткой и смиренной личности смоленского крестьянина XIX века.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Корнилов, О. А. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов / О. А. Корнилов. – М. : ЧеРо, 2003. – 349 с.
2. Маслова, В. А. Когнитивная лингвистика : учеб. пособие / В. А. Маслова. – Минск : ТетраСистемс, 2005. – 254 с.
3. Юнг, К. Аналитическая психология: Прошлое и настоящее / К. Юнг. – М. : Мартис, 1995. – 320 с.

ИСТОЧНИКИ

Добровольский, В. Н. Смоленский этнографический сборник. В 4 ч. Ч. 3. Пословицы / В. Н. Добровольский. – СПб. : Тип. Н. Худякова, 1994. – 137 с.

**LIFE AND DEATH IN THE LINGUISTIC WORLD-IMAGE
OF A SMOLENSK PEASANT**

E.N. Ruzhentseva

The article is devoted to the investigation of the Russian dialect phraseology in the Smolensk region. The linguistic material is taken from "Smolensk Ethnographic Collection" by V.N. Dobrovolsky and groups of proverbs and sayings about Life, Death are described. Linguistic means of the representation of the attitude of a Smolensk peasant of the 19th century to the philosophical categories of Life and Death are revealed.

Key words: *linguistic world-image, ethnography, paremiae, dialect phraseology, semantics.*